

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПЕТРАШЕВЦЕВ

В. Е. Иллерицкий

Мировоззрение и деятельность петрашевцев внимательно изучались советскими исследователями, особенно в последние годы¹. В итоге обстоятельно освещены философские и общественно-политические воззрения петрашевцев, определено их место в истории передовой общественной мысли в России. Однако в разработке данной проблемы имеются и существенные пробелы. К их числу относятся исторические взгляды петрашевцев — представителей утопического социализма в России. Между тем изучение этих взглядов не только раскроет важную сторону их мировоззрения, органически связанную с их прогрессивными общественно-политическими убеждениями, но и даст возможность оценить роль петрашевцев в развитии революционной исторической мысли в нашей стране на рубеже 40-х — 50-х годов прошлого века.

Петрашевцы во многом разделяли взгляды В. Г. Белинского и А. И. Герцена, прежде всего их антикрепостнические и антисамодержавные убеждения. Но воззрения петрашевцев имели и своеобразные черты. Их взгляды формировались уже в 40-х годах XIX в.; они не только восприняли многое из предшествующего идейного наследия, но и находились под влиянием некоторых новых идей, особенно идей утопического социализма. В их историко-социологических воззрениях ощущается влияние Ш. Фурье, Л. Фейербаха, а также в определенной мере О. Конта. Новое в деятельности и воззрениях петрашевцев заключается и в том, что они уже шли к созданию революционной организации. В этом смысле петрашевцы выступали продолжателями декабристов. Это означало, что в разработке принципов революционной исторической мысли вновь принял участие значительный коллектив, который, как и декабристы, существенно обогатил ее содержание.

Характеризуя деятельность петрашевцев, нельзя забывать о том, что в их кружке существовали две тенденции — революционная и либеральная. Это сказывалось и на разработке ими проблем истории. Петрашевцы, разделяя в своем большинстве революционные убеждения Белинского, все же не поднялись до его уровня в обосновании и защите революционно-демократической программы, их мировоззрение было лишено той цельности и зрелости, а также той революционно-демократической

¹ В. Р. Лейкина-Свирская. Революционная практика петрашевцев. «Исторические записки». Т. 47. М. 1954; ее же. О характере кружков петрашевцев. «Вопросы истории», 1956, № 4; ее же. Утопический социализм петрашевцев. Сборник «История социалистических учений». М. 1964; И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М. 1958; В. С. Мартыновская. Социально-экономические воззрения петрашевцев. «История русской экономической мысли». Т. 1., ч. 2. М. 1958; И. И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX в. М. 1964; Т. Усакина. Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX в. Саратов. 1965; В. Е. Евграфов. Петрашевцы, «История философии в СССР». Т. 2. М. 1968.

последовательности, которые были столь характерны для Белинского в 40-х годах XIX в. и особенно в последние годы его жизни. Это обязывает исследователя отделять революционно-демократические тенденции в мировоззрении петрашевцев от либеральных. Следует принимать во внимание и неравноценность вклада каждого из петрашевцев в разработку исторических проблем. Особенно интенсивной была в этом плане деятельность М. В. Буташевича-Петрашевского, признанного идеолога своего кружка. Важно также учитывать утопическо-социалистические устремления петрашевцев, их деятельность по пропаганде идей социализма, в чем они возвысились над декабристами и пошли дальше Белинского.

Петрашевцы проявляли большой интерес к истории. Суждения по вопросам истории мы находим во многих их произведениях. Петрашевцы были хорошо знакомы с современной исторической наукой как в России, так и в Западной Европе. В их трудах содержатся обширные экскурсы в область русской и всеобщей истории. Некоторые петрашевцы были профессионально связаны с исторической наукой. Ф. Г. Толь и П. И. Белецкий преподавали историю в средних учебных заведениях. Последний, как учитель истории, использовал новейшие исторические работы. «Главным пособием, кроме сочинений Карамзина, Погодина, Устрялова, Полевого, Белецкому служила известная диссертация профессора Московского университета Соловьева «Родовые отношения князей Рюрикова дома»². А. П. Баласогло в течение нескольких лет был чиновником архива министерства иностранных дел и усердно его обрабатывал по самостоятельно разработанной им программе³. В произведениях М. В. Петрашевского содержатся интересные суждения о значении вспомогательных исторических дисциплин, о важности мемуаров как исторического источника⁴.

Однако если фактический материал для изучения истории петрашевцы черпали из трудов историков-профессионалов, то в осмыслении исторических событий они следовали традициям революционной исторической мысли. Самым образованным из них и наиболее радикально настроенным в той или иной мере были известны труды А. Н. Радищева, произведения некоторых декабристов, ранние работы А. И. Герцена и особенно труды В. Г. Белинского — их великого современника и идейного вдохновителя. Известно, что обвинение в чтении его знаменитого «Письма к Гоголю» являлось одним из наиболее тяжелых среди предъявляемых петрашевцам царским судом.

Знакомство с идейным наследием революционных предшественников имело немаловажное значение для формирования мировоззрения многих петрашевцев, в частности их исторических взглядов.

Главное в политической позиции петрашевцев (как и их революционных предшественников) заключалось в том, что они отрицали самодержавно-крепостническую систему в России и стремились избавить от ее гнетущей тяжести народные массы. Именно это определило трактовку ими коренных проблем как современности, так и прошлого. Петрашевцы стремились связать историю с современностью. Например, Ф. Г. Толь пытался наполнить казенную программу по истории более живым современным содержанием, отразить в процессе преподавания истории свои политические убеждения. На одном из вечеров у Петрашевского он заявил, что «будет рассказывать ее (историю.— В. И.) сообразно планам общества»⁵. Изучение прошлого петрашевцы рассматривали как средство овладения историческим опытом, столь необходимым для револю-

² В. И. Семевский. Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях. «Голос минувшего», 1917, № 2, стр. 151.

³ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М. 1953, стр. 586—593.

⁴ Там же, стр. 244, 128.

⁵ В. И. Семевский. Указ соч., стр. 145.

ционной борьбы. Сам Петрашевский утверждал: «Никакое прошедшее не уничтожается, но живет в результатах — толковое знание его может сделать всякого властителем будущего»⁶. А. В. Ханыков призывал: «Пытайте, исследуйте историю»⁷.

Круг исторических интересов петрашевцев был весьма широк — от сюжетов античной истории до проблем, связанных с современностью. Однако в центре их внимания находились проблемы социальные, что наиболее полно отражает их общественно-политические устремления, приверженность к идеям утопического социализма. Широта исторических интересов петрашевцев нашла отражение в их литературном наследии. Отдельные произведения самого Петрашевского и его единомышленников посвящены непосредственно исторической тематике, еще большее число произведений содержит пространные исторические экскурсы. К их числу относились такие произведения Петрашевского, как «Мои афоризмы» (1840—1841 гг.), «Запас общепольного» (1842—1843 гг.), «Объяснение о системе Фурье и о социализме» (1849 г.). В особенности богат историческим содержанием «Карманный словарь иностранных слов» (вып. второй, 1846 г.), важнейшие статьи которого были написаны самим М. В. Петрашевским, а другие тщательно им отредактированы. В произведениях А. П. Баласогло «Проект учреждения книжного склада...» (1845 г.), в его «Заметках о цивилизации» (1846—1847 гг.), в «Политических заметках» Н. А. Момбелли (1847—1848 гг.), в «Автобиографической записке» Д. Д. Ашхарумова (1848 г.), в «Речи о задачах общественных наук» Н. С. Кашкина (1848 г.), в «10 заповедях» П. Н. Филиппова (1848—1849 гг.), в «Солдатской беседе» Н. П. Григорьева (1848—1849 гг.) содержится материал, характеризующий исторические взгляды их авторов; он имеется также в речах, письмах, воспоминаниях и показаниях ряда петрашевцев в ходе следствия и суда над ними. Названные произведения были созданы на протяжении всего лишь нескольких лет, что не позволяет, как правило, раскрыть эволюцию исторических представлений их авторов. Кроме того, они в большей мере отражают понимание петрашевцами самих исторических явлений и в меньшей мере, чем у декабристов и Белинского, содержат критические оценки современной им историографии.

Позитивные оценки исторических явлений петрашевцами во многом совпадают с оценками В. Г. Белинского, но в то же время в них чувствуются и другие идейные влияния. Так, от Ж.-Ж. Руссо было заимствовано представление о создании общественной организации на основе свободного договора между людьми; от Ш. Фурье — периодизация истории человечества, вывод о несоответствии ее завершающей стадии — «цивилизации» (то есть буржуазного общества) человеческим страстям и связанное с этим убеждение в необходимости перехода к справедливым социалистическим отношениям, удовлетворяющим эти страсти. Антропологическое понимание Л. Фейербахом «человеческой природы» как исходного принципа в трактовке характера общественных отношений и как основы материалистических догадок в объяснении исторического процесса также получило отражение в исторических взглядах петрашевцев. Не менее важное влияние на их историко-социологические воззрения оказали ранние философские произведения Герцена. Сын декабриста Н. С. Кашкин, принимавший деятельное участие в пропаганде социалистических идей, в своей «Речи о задачах общественных наук» привел выдержки из этих произведений.

Н. С. Кашкин придавал большое значение общественным наукам и протестовал против отнесения их к наукам неточным, в отличие от наук о природе: «Разделение это мне кажется совершенно ложным,— заяв-

⁶ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 393.

⁷ Там же, стр. 507.

лял он, — я думаю, что как естественные науки, так и наука общественная должны быть совершенно точными, иначе они бы не были науками. Я вижу противоречие между словами наука и неточная»⁸. В соответствии с таким заключением петрашевцы считали важнейшей задачей общественных наук раскрытие законов развития человечества. Петрашевский вслед за Белинским и Герценом рассматривал исторический процесс как закономерный. Все исторические явления, заявлял он, совершаются «соответственно определенным законам», при этом законы эти проявляются прежде всего в процессе непрерывного изменения общества. В истории, как и в природе, «нет покою, существует одно движение»⁹. Движение же совершается по восходящей линии — в чем и выражается его прогрессивность. В обществе происходит закономерный переход от низших этапов к более высоким. Петрашевский писал об «общем законе преобразования форм», действующем как в природе, так и в особенности в развитии общества¹⁰. Однако он еще не смог определить стадии прогресса на основе какого-либо единого признака, ограничившись, как идеалист в истории, указанием на решающую роль обогащения разума, развития просвещения: «Человек рождается животным, зверем безусловным, и только впоследствии — через содействие образования — он медленно восходит на степень существа разумного»¹¹.

Социалистический характер убеждений Петрашевского обусловил отрицание им предела развития человечества достижением буржуазного общества, решительным критиком которого он выступал. Целью исторического прогресса, по Петрашевскому, является достижение социалистического общественного устройства, «нормально развитого или благоустроенного общества»¹², удовлетворяющего все нормальные человеческие потребности. Пространную и глубокую характеристику этого общества дал наиболее радикально настроенный петрашевец Н. А. Спешнев: это общество, в котором «личная заинтересованность будет заменена призванием, общественным интересом, где всякий труд будет производиться по призванию, а не с целью получить вознаграждение». Он утверждал, что движение к социализму, «ко все более справедливым отношениям, есть движение без конца. Прогресс есть необходимо непрерывное и вечное движение»¹³. Как бы дополняя этот вывод Спешнева, Петрашевский заявлял: «Социализм вообще не есть прихотливая выдумка нескольких причудливых голов, но результат развития всего человечества»¹⁴.

Сближало петрашевцев с Белинским и Герценом также признание исторического процесса противоречивым, развивающимся в результате борьбы нового со старым. Петрашевский в этой борьбе видел источник совершенствования общественных отношений и подчеркивал, что борьба нового со старым наиболее полно проявляется в критические эпохи. По его мнению, «все критические эпохи как в науке, так и в жизни суть эпохи антагонизма, противоречия, противоборства новых требований и способов их удовлетворения со старыми»¹⁵. И хотя в приведенных формулировках явно отразилось влияние О. Конта с его делением истории человечества на эпохи органические и критические, сам Петрашевский вкладывал в них революционное содержание, чуждое О. Конту.

Диалектическое представление Петрашевского о противоречивом характере общественного развития разделял А. В. Ханьков, но придавал

⁸ Там же, стр. 654.

⁹ Там же, стр. 423.

¹⁰ Там же, стр. 215.

¹¹ Там же, стр. 113.

¹² Там же, стр. 239.

¹³ Там же, стр. 487, 488.

¹⁴ Там же, стр. 428.

¹⁵ Там же, стр. 340.

ему более определенное конкретно-историческое выражение, подчеркивая особое значение социальных противоречий. В своей речи на обеде в честь Фурье 7 апреля 1849 г. он заявил: «Один закон, выражающий отрицание, идет через всю историю в различных видах, это закон победителей и побежденных, проявившийся на Востоке борьбою каст, в Греции — борьбою демотов с эвпатридами, в Риме — плебеев с патрициями, в средние века — разнообразной борьбою освобожденной личности с авторитетом, борьбою расколов, партий, сословий... борьбою крестьян, промышленных коммюнов с вассалами и в наше время — борьбою пролетариев с капиталистами»¹⁶. Данное заявление при всем несовершенстве приведенных определений явно обнаруживает революционно-демократическую направленность суждений Ханькова и приближение его к пониманию роли классовой борьбы в истории.

В революционно-демократическом духе подходили радикально настроенные петрашевцы и к центральной проблеме общественного развития — проблеме роли народных масс в истории. Д. Д. Ашхарумов писал: «Все зависит от народа, без него мы не подвинемся, не уйдем, нам надо короче узнать наш народ и сблизиться с ним»¹⁷. Такой вывод был, безусловно, связан с тем, как петрашевцы понимали причины поражения декабристов. В то же время некоторые из петрашевцев еще не осознали социальной разобщенности народа. Они относили к нему и дворянство и даже готовы были видеть в «едином народе» опору правительства, обнаруживая тем самым слабые стороны своих воззрений — понимание государственной организации как надклассовой. Так, В. А. Головинский заявлял на следствии: «Опорою престола служит не одно дворянство, а целый народ без различия сословий, а это-то составляет силу, крепость, могущество правительства»¹⁸. Конечно, это суждение можно рассматривать и как отражение монархических иллюзий народных масс, но при всех условиях оно страдает ограниченностью.

В отдельных случаях петрашевцы, проявляя известную неустойчивость в своих демократических воззрениях, склонны были подчеркивать пассивность народных масс: считая их «основой общества», они одновременно, по словам А. П. Баласогло, расценивали народ «как материал, тесто, из которого все делается, что ни делается, и для которого, впрочем, все существует»¹⁹. Петрашевский, напротив, усматривал в народе силу, призванную освободить себя, после того как осознает свое значение и свои возможности. Народ сам спасет себя от «зол, страданий и смерти, — заявлял Петрашевский, — ...источник его жизни, его счастья и величия — в нем самом, — и тогда он смело берет свои утраченные права; чувство человеческого достоинства, временно заснувшее, снова откликается в нем на голос природы, и мысль, свободная от предрассудков, чистая, как звезда, является ему вожатаем, надежным, неуклонным»²⁰. Но кто пробудит сознание народа и какими средствами можно поднять его на борьбу, не было ясно и Петрашевскому. Сделав шаг вперед по сравнению с декабристами в признании роли народных масс в борьбе за социальное освобождение, петрашевцы еще не осознали необходимости народной революции. Это было сделано революционерами-демократами последующих десятилетий.

Много общего с Белинским и Герценом было у петрашевцев и в понимании активной роли личности в истории. Петрашевский утверждал: «Если история делает людей, то люди делают историю»²¹. При этом петрашевцам чуждо было преувеличение значения роли личности в истории.

¹⁶ Там же, стр. 508—509.

¹⁷ Там же, стр. 677.

¹⁸ Там же, стр. 634.

¹⁹ Там же, стр. 605.

²⁰ Там же, стр. 326.

²¹ Там же, стр. 385.

Петрашевский справедливо полагал, что великие деятели порождаются историческими обстоятельствами: «Как война родит великих полководцев,— заявлял он,— так время народных волнений производит великих ораторов»²². Не только великий человек, но и любой новатор не может проявить свои дарования и реализовать свои стремления без поддержки общества, ибо «человеку, взятому в отдельности, почти ничего невозможно совершить, но все можно совершить в обществе и общественном»²³. Поэтому решающее значение имеет характер общественных устремлений великого деятеля, их соответствие или же противоречие общественным интересам. Н. А. Спешнев особенно высоко ценил тех исторических деятелей, «которые... изменяли социальные формы, посвятили себя уничтожению рабства... разбили феодализм...»²⁴. В том же случае, когда исторический деятель становится на защиту реакционных стремлений, утверждал Петрашевский, его неизбежно ждет поражение, и даже выдающиеся дарования не спасут его от политического банкротства, если он пытается «защитить незащитимое, поддержать неизбежно предназначенное к разрушению ходом мировой жизни и незадержимым током человеческого развития»²⁵. Тем самым Петрашевский обосновывал мысль о неодолимости исторического прогресса и проявлял исторический оптимизм, выходящий за пределы вопроса о роли личности в истории.

Убеждение в неодолимости исторического прогресса лежало в основе критики петрашевцами буржуазных отношений современных им западноевропейских государств и признания неизбежности революционных преобразований в общественном развитии. Вполне правомерно поэтому, что революционно настроенные петрашевцы с восторгом приветствовали революцию 1848 г. во Франции и склонны были первоначально считать ее преддверием торжества социалистических отношений. Эти убеждения резко разделяли петрашевцев и либерально настроенных западников.

В исторических воззрениях петрашевцев содержались, как у Белинского и других демократических деятелей, материалистические догадки. Так, Петрашевский указывал на важное значение экономического фактора в историческом прогрессе и на решающую роль в развитии экономики каждого народа промышленности и передовой техники: «не стратегии и тактике Наполеона,— заявлял он,— а силе сжатого пара суждено преобразить землю и возвысить человечество»²⁶. Человек изменяется быстрее там, где «промышленность достигла значительного развития, где творческая мысль человека покорила уже своей власти силы природы и сделала их покорными орудиями...»²⁷. Не случайно некоторые из петрашевцев, прежде всего В. А. Милютин, посвятили свои усилия изучению экономических отношений и достигли в этой области значительных результатов.

С развитием промышленности петрашевцы связывали утверждение в будущем социалистического общества. А. В. Ханьков полагал, что «из взаимного проникновения разума и индустрии и выйдет то новое вождевленное начало, на котором построится будущая жизнь человечества»²⁸. Вместе с тем петрашевцы понимали, что промышленное развитие в условиях капитализма сопровождается и отрицательными последствиями. В собственности, в капитале «главный источник всех общественных бедствий,— писал Петрашевский,— и в замене частной собственности — об-

²² Там же, стр. 327. Под ораторами Петрашевский подразумевал, конечно, выдающихся общественных деятелей.

²³ Там же, стр. 319.

²⁴ Там же, стр. 484.

²⁵ Там же, стр. 324 (примечание).

²⁶ Там же, стр. 214.

²⁷ Там же, стр. 150.

²⁸ Там же, стр. 510.

шею, увидели способ к уничтожению всех зол»²⁹. Петрашевцы отмечали обнищание трудящихся как следствие промышленного развития в условиях капитализма: «При большом промышленном развитии, быстром увеличении народонаселения, неравномерном распределении собственности открылось новое зло — пауперизм»³⁰, — писал В. А. Головинский.

Большинство петрашевцев были сторонниками экономического прогресса, высших форм организации производства, которые должны утвердиться при социализме, однако отдельные из них, например, Д. Д. Ашхарумов, идеализировали такие отсталые формы экономической организации, как сельская община в России, и видели в ней зародыш социалистических отношений. Подобные воззрения отделяли этих петрашевцев от Белинского и превращали их в предшественников Герцена, создавшего впоследствии теорию «русского социализма».

Таким образом, теория исторического процесса петрашевцев была передовой для своего времени и во всех существенных чертах отражала формирование революционно-демократической идеологии в России в 40-х годах прошлого века.

Теоретические представления петрашевцев об историческом процессе конкретно проявлялись в их взглядах на вопросы всеобщей истории. Петрашевцы не отделяли отечественной истории от всемирной, в особенности от европейской. В своих произведениях они рассматривали те проблемы всемирной истории, которые так или иначе были связаны с современностью и тем самым представляли злободневный интерес. Они были знакомы с важнейшими трудами по всеобщей истории, изучали работы выдающегося русского историка-просветителя Т. Н. Грановского, а также ряда видных западных историков — Ф. Гизо, О. Тьери, Э. Гиббона. Но решающее влияние на них оказали Белинский и Герцен.

Всемирную историю петрашевцы традиционно делили на древнюю (древний Восток, древняя Греция и Рим), среднюю (средневековая Европа) и новую, представлявшую для них особый интерес. Они не замыкались в узкие рамки политических событий, а изучали все многообразие исторической жизни, стремились понять отличительные особенности развития отдельных народов — их общественный строй, быт, культуру.

Петрашевцам, среди которых было много разносторонне и глубоко образованных людей, были знакомы важнейшие источники всемирной истории, труды древнегреческих и древнеримских историков, мыслителей, писателей, поэтов. Как Белинскому и многим другим революционным деятелям, петрашевцам была свойственна идеализация строя древней Греции и республиканского Рима, которые они противопоставляли деспотическому строю позднейших периодов. По мнению Е. Ламанского, «свобода была единственной целью граждан (республиканского Рима. — В. И.), и всегда они защищали ее до последней капли крови»³¹. Петрашевский противопоставлял императорский Рим республиканскому. По его мнению, «вся политическая жизнь тогдашнего мира сосредоточилась в Риме: внутренняя пустота прикрывалась блеском всемирной империи; роскошь, утонченная нега и разврат царствовали среди беспечного веселья, а неизлечимый смертный недуг общества таился под этой пышной наружностью». Для Петрашевского история императорского Рима — «век безумного деспотизма и рабского унижения»³². Объясняя причины падения Рима, петрашевцы выдвигали на первый план своекорыстие римской знати, любовь к наживе и обогащению. Н. А. Момбелли писал по этому поводу: «Справедливость продавалась, голоса приобретались интригами или деньгами; консулы предпринимали войны с единственной

²⁹ «Дело петрашевцев». Т. 1. М.-Л. 1937, стр. 93.

³⁰ Там же. Т. 3. М.-Л. 1951, стр. 224.

³¹ См. сб. «Петрашевцы». СПб. 1907, стр. 44.

³² «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 218.

целью обогатиться сокровищами разоренных стран»³³. Агрессивная политика императорского Рима решительно осуждалась петрашевцами. Характерная особенность воззрений петрашевцев, отличавшая их от Белинского, заключалась в том, что они не считали историю Рима продолжением истории древней Греции, а, напротив, подчеркивали различие между ними³⁴.

Значительный интерес проявляли петрашевцы к истории средних веков. Им были известны работы английского историка М. Париса, французского историка Э. де Боншоза и ряда других³⁵. История средневековой Европы привлекала внимание петрашевцев прежде всего потому, что, подвергая критике феодальные отношения у европейских народов в прошлом, они тем самым могли в своих подцензурных произведениях косвенно осуждать крепостнические отношения в современной им николаевской России.

Средневековье в Западной Европе справедливо рассматривалось петрашевцами как время расцвета феодальных отношений. Однако происхождение последних они связывали, как и Белинский, с завоеванием одних народов другими и образованием на этой основе враждебных условий, между которыми в дальнейшем происходила непрерывная борьба, завершившаяся Французской революцией конца XVIII века. Таковы, например, суждения по этому вопросу петрашевца В. А. Головинского³⁶. В «Карманном словаре иностранных слов» Петрашевский дал оценку многим явлениям средневековой истории Европы: осуждавшимся им крестовым походам, засилью церкви в тот период, ее борьбе с «ересями» посредством жутких средств инквизиции, высоко оценил время Возрождения как начало новой эпохи.

Рассматривая образование централизованных государств в Западной Европе как явление прогрессивное, положившее конец непрерывным феодальным распрям, которые отягощали народные массы, петрашевцы справедливо отмечали огромное значение для завершения этого процесса такого фактора, как спасение Западной Европы русским народом сначала от татарских завоеваний, а затем от турецкой опасности³⁷. В этом проявлялся патриотический характер исторических воззрений петрашевцев.

Петрашевцы решительно отвергали идеализацию средних веков русскими и западноевропейскими реакционными историками. Они рассматривали этот период всемирной истории как неизбежный и вместе с тем готовящий почву для перехода европейских народов к новому, более высокому этапу развития. «Форма быта общественного преходящая, — заявлял Петрашевский, — несовершенная и предуготовительная для другой, более совершенной, — как, например, варварство приготовило феодализм, и он в свою очередь установил цивилизацию»³⁸.

В центре внимания русских революционных деятелей всегда находились события новой истории. Это — закономерность развития революционной исторической мысли в России, начиная с А. Н. Радищева, которая подтверждается и на примере петрашевцев. Характерно, что в библиотеке Петрашевского (являвшейся по существу коллективной для участников его «пятниц») было более всего исторических работ, посвященных событиям нового времени. В ней находились книги: Л. Галлуа «История революции 1848 года», Э. Кине «Революция в Италии», К. Лейнаде «История народов и революций в Европе от 1789 года до наших

³³ Там же, стр. 610.

³⁴ Там же, стр. 283.

³⁵ Там же, стр. 353, 730.

³⁶ См. «Дело петрашевцев». Т. 3, стр. 224.

³⁷ См. «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 553.

³⁸ Там же, стр. 187.

дней», Л. Мирославского «История революции в Польше», Тиссо «История Робеспьера, Национального Конвента и комитетов по истории Французской революции»³⁹, Л. Тьера «История Французской революции», Э. Кабе «Популярная история Французской революции», Л. Блана «История десяти лет»⁴⁰, что свидетельствует об интересе петрашевцев к истории революционных движений в Западной Европе. Они придавали большое значение изучению революционного опыта Западной Европы и лучших достижений ее передовой общественной мысли, чтобы с их помощью определить пути и средства борьбы за освобождение русского народа от самодержавно-крепостнического гнета. Эта задача приобретала особенно важное значение в процессе осмысления петрашевцами причин неудачи декабристов и определения роли народных масс в истории.

Петрашевцы, как и все прогрессивные деятели, не имели возможности открыто выражать свои убеждения. Поэтому очень ценно содержание «Карманного словаря иностранных слов», вторая часть которого вышла в свет по случайному недосмотру цензуры. В «Словаре» были широко представлены статьи о важнейших революционных событиях нового времени в Западной Европе и борьбе народов за национальное освобождение. Они отражали даже те революционные события, о которых не могли в 40-х годах прошлого века высказаться Белинский и Герцен. Эти статьи словаря носили ярко выраженный пропагандистский характер.

Во времена Петрашевского начало новой истории датировалось открытием Америки Колумбом. Поэтому в «Карманном словаре иностранных слов» к событиям нового времени отнесена Крестьянская война в Германии.

В статье «Нивеллеры» получила характеристику социальная программа Т. Мюнцера, включавшая отмену феодальных податей, передачу владельческих земель в общее пользование крестьян — требования крайне актуальные в России в последние десятилетия крепостного права. Петрашевский подчеркивал при этом необходимость упорной и кровопролитной борьбы для победы народа: «Нет примера восстановления утраченных прав без жертв кровавых и гонения». Он делал правильное заключение и о причинах Крестьянской войны в Германии: «Главной причиной были те угнетения, которым подвергался в то время в Германии низший класс народа от высших классов»⁴¹.

Наибольшее внимание петрашевцев привлекла Французская буржуазная революция конца XVIII века. Если Белинскому приходилось высказывать свои симпатии к ней лишь в письмах, то Петрашевскому удалось выразить свое отношение к этой революции в ряде статей «Карманного словаря иностранных слов». Он с величайшей похвалой отзывался о деятельности якобинцев и их вождей — Марата, Робеспьера, Дантона⁴² и подверг резкой критике политику партии «умеренных» — жирондистов, которая не смогла завоевать симпатий народных масс⁴³. В целях революционной пропаганды Петрашевский вводит в статью «Национальное собрание» указанного словаря характеристику преобразований, проведенных в ходе Французской революции: «Объявление прав человека, уничтожение рабства, уничтожение феодальных судов, продажности мест... провинциальных и городских привилегий, обращение церковных и монастырских имуществ в государственную собственность для уплаты государственного долга», образование национальной гвардии. Петрашевский даже опубликовал пункты новой конституции Франции⁴⁴, чтобы

³⁹ Там же, стр. 729—746 (список книг).

⁴⁰ Там же, стр. 199.

⁴¹ Там же, стр. 228.

⁴² Там же, стр. 164.

⁴³ Там же, стр. 152.

⁴⁴ Там же, стр. 195—197.

привлечь к ним внимание передовых русских людей. В этом глубоком сочувствии Петрашевского делу Французской революции, ее наиболее радикальным партиям и деятелям обнаруживалось резкое отличие его убеждений, как и его революционно настроенных единомышленников, от убеждений либеральных западников. Но, понимая прогрессивное значение Французской революции конца XVIII в., сокрушившей устои феодализма в стране, петрашевцы были далеки от идеализации ее результатов. Они сознавали ее буржуазный характер, выразившийся в том, что ее итогами воспользовалась буржуазия, а не народные массы, совершившие революцию. И. М. Дебу писал: «Во Франции народ смотрит на буржуазию как на похитителей власти у аристократов, которых она изгнала в 1-ю революцию»⁴⁵.

В годы правления Наполеона Франция, как известно, стала очагом войн и агрессии в Европе. Интерес петрашевцев к военно-политическим событиям начала XIX в. определялся (как и у Белинского и Герцена) патриотическими чувствами, стремлением показать прогрессивную роль русского народа в низвержении наполеоновской империи. Петрашевский полагал, что Наполеон был обязан своим могуществом армии, которую он превратил в покорное орудие «своего честолюбия и деспотизма»⁴⁶. Он гневно осуждал эгоизм, жестокость и властолюбие Наполеона: «Гений крушения безжалостно устилал трупами своих соотечественников поле сражения, говоря, что это — пушечное мясо»⁴⁷. Но классовой сущности политики Наполеона как политики, выражающей интересы крупной французской буржуазии, петрашевцы не сознавали.

Глубоко изучили петрашевцы и опыт революции 1830 г. во Франции. Они расценивали ее как революцию, в которой совершивший ее народ был грубо обманут, а всю полноту власти снова получила буржуазия. В данном случае петрашевцы повторяли в основном выводы Белинского из его известной рецензии на роман Э. Сю «Парижские тайны». Убийственную характеристику давал Петрашевский Тьеру как типичному лидеру французской буржуазии, утвердившей свое господство в результате революции 1830 года. По его мнению, Тьер — «политический пройдоха и шарлатан, не придерживающийся никаких определенных политических начал и считающий правительственную власть достоянием своей парламентской ловкости»⁴⁸.

Петрашевцы резко осуждали колониальную политику Англии, которая подчинила своей власти многие народы мира. Н. А. Момбелли гневно заявлял, что Англия «содержит в рабстве в одной Индии до 100 миллионов туземцев, не считая других частей света и бедствующей Ирландии»⁴⁹. В статье «Оранжевые»⁵⁰ Петрашевский с большим сочувствием охарактеризовал длительную борьбу ирландского народа за национальную независимость. Петрашевцы всегда были на стороне угнетенных. Они разоблачали хищничество буржуазии не только за пределами своей страны, но и в отношении трудящихся масс собственного государства.

Критикуя буржуазные отношения, петрашевцы использовали те факты, которые приводили социалисты-утописты Западной Европы для разоблачения пороков капиталистического строя. Они внимательно изучали воззрения А. Сен-Симона и особенно Ш. Фурье, были знакомы также с произведениями Э. Кабе, П. Леру, Л. Блана, высоко ценили их прозрения, касающиеся организации будущего социалистического общест-

⁴⁵ «Дело петрашевцев». Т. 3, стр. 73.

⁴⁶ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 195.

⁴⁷ Там же, стр. 249.

⁴⁸ Там же, стр. 295.

⁴⁹ Там же, стр. 626.

⁵⁰ Там же, стр. 312—315.

ва. Петрашевский писал в связи с этим: «Наука общественная на Западе нам сказала свое последнее слово, дала нам те формулы, в которых должно совершиться окончательное развитие человечества»⁵¹.

Однако питательной почвой революционных убеждений петрашевцев были, конечно, условия России, протест против самодержавно-крепостнического строя своей страны. В своих революционных настроениях петрашевцы поднялись выше западноевропейских социалистов-утопистов. Им были чужды реформистские иллюзии Сен-Симона и Фурье, беспочвенные надежды последних на помощь трудящимся со стороны «прозревших» угнетателей. В отличие от западноевропейских социалистов-утопистов петрашевцы полагали, что сами народные массы своей революционной борьбой должны добиться освобождения от эксплуатации. Однако петрашевцы, как и Белинский, еще не могли в условиях России осознать всемирно-исторической роли пролетариата, а потому и не вышли за пределы утопического социализма.

Таковы в общих чертах представления петрашевцев об основных этапах истории человечества. Они во многом совпадают с воззрениями их революционных предшественников, но вместе с тем содержат и некоторые новые черты: преимущественное внимание к социальным проблемам и более обстоятельную характеристику революционных событий Западной Европы. Попытки петрашевцев осмыслить опыт революционной борьбы в передовых странах Западной Европы связаны с их стремлением к практической революционной деятельности, с пониманием ее необходимости.

Изучая историю России, петрашевцы проявляли свои патриотические чувства. Они стремились показать свободолюбие русского народа, его ненависть к угнетателям, героизм и самоотверженность в борьбе за свою свободу и национальную независимость, прогрессивную роль в исторических судьбах других народов. Взгляды петрашевцев на отечественную историю были проникнуты оптимизмом.

Критические суждения по адресу дворянских и буржуазных русских историков у петрашевцев крайне редки, хотя система их собственных исторических воззрений объективно противостояла буржуазной и в особенности дворянской историографии. Отчасти это объяснялось, по-видимому, цензурными условиями. Петрашевцы были хорошо знакомы с состоянием русской исторической науки и внимательно следили за ее развитием. Так, им была известна «История Российская» В. Н. Татищева⁵², «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Русская история» Н. Г. Устрялова и ранние сочинения С. М. Соловьева⁵³. Им была знакома работа декабриста Н. Тургенева «Россия и русские»⁵⁴.

Судя по работе Петрашевского «Очерк развития общежития в России», он воспринял распространенное в его время разделение истории России на древнюю (до правления Ивана III), среднюю (до реформ Петра I) и новую (открытую петровскими преобразованиями)⁵⁵. Петрашевский отвергал норманскую «теорию»⁵⁶. Петрашевцы, как и Белинский, не проводили механических параллелей между русской и западноевропейской историей.

Характеризуя монголо-татарские завоевания и установление татарского ига, петрашевцы отмечали героизм народных масс в их борьбе за национальную независимость.

⁵¹ Там же, стр. 394.

⁵² Там же, стр. 523.

⁵³ «Дело петрашевцев». Т. 3, стр. 212—213.

⁵⁴ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 742.

⁵⁵ «Дело петрашевцев», Т. I, стр. 548.

⁵⁶ Там же.

Они подчеркивали всемирно-историческое значение борьбы русского народа с татарами. Так, А. П. Баласогло писал, что великая роль во всемирной истории куплена русским народом очень дорогой ценой: «кровью России еще в доисторических спорах славян с финнами и тюрками», выстрадаана монгольским игом, «а также отстоянием ее (Западной Европы.— В. И.) от турков»⁵⁷.

Петрашевцы, в отличие от Белинского, вслед за Радищевым и декабристами идеализировали внутренний строй Новгорода и осуждали его включение в состав централизованного Русского государства. А. В. Ханыков, выражая сожаление по поводу утраты новгородцами былых вольностей, писал: «Где твое общинное устройство, родное село, колыбель промышленной и гражданской жизни, где ты, народная вольница, великий государь Новгород, и ты, раздольная широкая жизнь удельных времен?»⁵⁸. Идеализация общественного и государственного строя древнего Новгорода была давней традицией революционной исторической мысли в России, начиная с А. Н. Радищева и декабристов. Эта традиция объяснялась стремлением революционных деятелей раскрыть формы народовластия и самостоятельности народных масс в древней Руси, их убеждением в том, что народовластие предшествовало самодержавию и было насильственно подавлено последним лишь в результате многовековой напряженной борьбы.

Последующие явления и события истории допетровской России освещены в произведениях петрашевцев весьма скупо. Более подробно они рассмотрели реформы Петра I, но в этом вопросе повторили в основном оценки Белинского, правда, избежав крайностей идеализации деятельности Петра I и ее результатов, свойственной великому критику в ранний период его литературной деятельности. Петрашевцы испытывали большой недостаток в материалах и литературе о Петре I. А. В. Ханыков отмечал, что в его время «все занимающиеся отечественной историей занимаются изучением древних ее времен, тогда как о личности Петра Великого у нас вообще весьма мало написано»⁵⁹. Воззрения петрашевцев на эпоху Петра I складывались, как и взгляды Белинского и Герцена, в борьбе со славянофилами, отрицавшими прогрессивное значение его реформ. Однако во взглядах отдельных петрашевцев наблюдается эволюция в понимании реформ Петра I. Петрашевский первоначально не видел исторических предпосылок этих реформ и недооценивал их значения. Впоследствии же он писал: «Мы, русские, вправе гордиться Петром, разом извлечшим нас из варварства. Мы должны благодарить Петра, что он (приблизил) нас к идеалу государственной, общественной и человеческой жизни»⁶⁰.

Петрашевцы отмечали исключительную напряженность внутренних и внешних условий России в первой четверти XVIII в. и подчеркивали глубину преобразований, произведенных при Петре I. Петрашевский полагал, что творческая, преобразовательная деятельность Петра I «коснулась всех частей организации общественной и во всем нравственно-живом и живущем возбудила стремление к прогрессу, наперекор многим, желавшим оставить в закоснении невежества разумение народа»⁶¹. Высоко оценивая Петра I, Ханыков писал: «Из всех героев русской истории мне более всего нравился и поражал Петр Великий. В этой энергической, необычайной и неограниченной деятельности отдельного человека мне казалось, что я вижу будущность русского народа»⁶².

⁵⁷ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 553.

⁵⁸ «Дело петрашевцев». Т. 3, стр. 18—19.

⁵⁹ Там же, стр. 168.

⁶⁰ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 194.

⁶¹ Там же, стр. 248.

⁶² «Дело петрашевцев». Т. 3, стр. 28—29.

Но петрашевцы не понимали классовой сущности политики Петра I. «Гений Петра, — писал Петрашевский, — предупреждает нужды народа... и идет впереди народа, а народ за ним следует»⁶³. Петрашевский не одобрял лишь некоторые мероприятия Петра I: «Он завел Академию, когда не было школ народных», а также «уничтожил то, что у нас органически развилось, заменил это искусственной организацией»⁶⁴. Под тем, что «органически развивалось» в допетровской Руси, петрашевцы, как и некоторые другие революционные деятели (Герцен, Огарев), понимали общинную организацию и элементы местного самоуправления, разрушавшиеся петровскими преобразованиями.

Высокая оценка петрашевцами реформ Петра I и даже их идеализация выражали одну из особенностей передовой исторической мысли того времени. В ожидании радикальных преобразований в России в близком будущем петрашевцы специально останапливали свое внимание на этом убедительном примере успешных реформ первой четверти XVIII века. Однако, несмотря на элементы идеализации деятельности Петра I, петрашевцы, так же как и Белинский в последние годы его жизни, не считали реформы Петра I прообразом предстоящих в России преобразований. Эти преобразования они связывали с деятельностью передовой интеллигенции, выражающей интересы народа. Отмеченная тенденция получила развитие у Герцена и Огарева и в особенности у Чернышевского и Добролюбова в период назревания революционной ситуации в России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века.

Есть основания полагать, что петрашевцев интересовала история послепетровского периода. Но в разработке этих проблем они были стеснены и недостатком материалов и преследованиями цензуры. Поэтому петрашевцы касались лишь некоторых вопросов данного периода. Так, они резко осуждали преклонение перед всем иноземным, распространившееся в среде дворянства в первой половине XVIII в., высоко ценили деятельность М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина как выдающихся представителей национальной культуры. В отличие от декабристов отдельные петрашевцы склонны были идеализировать Екатерину II как гуманную правительницу, которая в области юридической будто бы руководствовалась принципом: «Лучше десять виновных простить, чем одного невинного наказывать», — как заявлял Петрашевский⁶⁵. После смерти Екатерины II петрашевцы не видели достойных ее продолжателей. «Но вот 60 лет, — писал Петрашевский, — как благие семена, ею брошенные, не всходили до сих пор на почве русской общественности»⁶⁶. В оценке деятельности Екатерины II ярко выявились слабые стороны и противоречивость исторических взглядов петрашевцев, диссонирующие с убеждениями других представителей революционной исторической мысли в России. Чтобы объяснить это, следует иметь в виду, во-первых, то, что приведенные суждения о Екатерине II не разделялись всеми петрашевцами (высказывания, идеализирующие деятельность Екатерины, кроме Петрашевского, еще встречаются лишь у А. П. Баласогло и В. А. Головинского), и, во-вторых, данные высказывания Петрашевского относились лишь к началу царствования Екатерины II, когда она позволяла себе «игру в либерализм» и наблюдалось некоторое оживление общественной мысли в России, контрастирующее с временем николаевской реакции. Что же касается последующего периода правления Екатерины II, то Петрашевский давал ему достаточно верную оценку. Так, стремясь раскрыть причины восстания крестьян под руководством Е. И. Пугачева, Петрашевский приблизился к пониманию истинной его природы:

⁶³ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 459.

⁶⁴ Там же, стр. 439.

⁶⁵ Там же, стр. 458.

⁶⁶ Там же, стр. 440.

«Старообрядчество, раскольниковство и рабство — вот его производители». В крепостнической России угнетенное крестьянство, по его мнению, не могло не стремиться к восстанию: это — «элемент всегда готовый в русском обществе для ужасной жакерии, пугачевский бунт — одно из его проявлений»⁶⁷.

Петрашевцы высоко ценили подвиг декабристов, но высказывать свое мнение о них они не могли. Сочувственные оценки содержатся лишь в бесцензурных произведениях — в «Солдатской беседе» Н. П. Григорьева, где декабристы представлены как защитники народа⁶⁸, и в переводе стихотворения А. Мицкевича «К друзьям русским», осуществленном Н. А. Момбелли. Связь между поколениями революционных борцов — декабристами и петрашевцами — нашла выражение не только в том, что среди петрашевцев были потомки и последователи первых, в частности сын декабриста Н. С. Кашкин; в ссылке в Сибири петрашевцы жили вместе с декабристами Д. И. Завалишиным, А. Поджио и другими и совместно с ними внесли заметный вклад в развитие культуры в Сибири⁶⁹.

Подведем итоги. Исторические взгляды петрашевцев были органически связаны с их общественно-политическими воззрениями; они являлись, с одной стороны, средством обоснования этих воззрений, а с другой были следствием распространения политических взглядов петрашевцев на область истории. Будучи порождены одной эпохой, исторические взгляды петрашевцев во многом напоминали воззрения на историю В. Г. Белинского и А. И. Герцена (до выезда последнего из России) как в своих теоретических основах, так и в конкретном содержании. По объективному содержанию они также направлены против официальной историографии, против воззрений на историю и западников и славянофилов.

В целом же система исторических воззрений петрашевцев отражала процесс дальнейшего развития революционной исторической мысли в России, доказывала прочность ее традиций и представляла собой связующее звено в ее развитии между поколениями В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского.

⁶⁷ «Дело петрашевцев». Т. 1, стр. 42.

⁶⁸ Там же, стр. 296.

⁶⁹ См. В. Г. Мирзоев. Историография Сибири. М. 1970, стр. 187—226.